

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЗИАТСКИЙ МУЗЕЙ—
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

Японоведение

С организацией АМ в число его сотрудников не вошел ни один специалист-японовед. Рукописи, ксилографы и предметы материальной культуры Японии, полученные музеем, поручено было обработать представителям других востоковедных специальностей. Так, каталог японских рукописей и ксилографов, хранившихся в АМ, составили китаисты-переводчики Коллегии иностранных дел П. Каменский и С. Липовцов. Естественно, недостаточная компетентность китаеведов в области японской культуры и языка не могла не отразиться на качестве работы. Например, драма Тоё Дзёсукэ «Заупокойная служба у моста Ватанабэбаси в Сэссю» («Сэссю Ватанабэбаси куё», ксилограф 1749 г.), посвященная Монгаку-сёнину (Эндо Морито), была зарегистрирована ими как «Описание провинции Ше джеу или Оссака, в ней находящихся мостов и пр.», а многие другие сочинения, вошедшие в каталог, идентифицировать не удастся вообще.

Время от времени в АМ помимо письменных материалов поступали и предметы материальной культуры. Так, еще в 1791—1795 гг. Кунсткамерой были «приобретены японские достопримечательности и другие предметы, монеты, рукописи и пр.», а в 1794 г. — курильские, алеутские и японские достопримечательности и монеты¹ (позднее они перешли в АМ).

В 1829—1830 гг. в АМ хранилось 352 китайские и японские монеты и 68 японских вещей, в 1861 г. — 2959 китайских и японских монет, в 1868 г. — 2969², а в 1877 г. — 2983 монеты. Эти предметы АМ только собирал, но они никем не исследовались.

В 1858 г. на отзыв в АН поступил «Японско-русский словарь» И. А. Гошкевича (СПб., 1857) в связи с его выдвижением на Демидовскую премию. Переадресовывая словарь на отзыв французским востоковедам, ОИФ АН извещало

¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1817—1929), № 5, л. 83 об.

² Там же, № 1, лл. 165—166, 174—175; № 5, л. 81 об.; № 8, л. 4.

Азиатский департамент МИДа: «В числе членов академии нет никого, кто бы посвятил себя специально изучению японского языка»³.

С 1849 по 1864 г. регистрацией японских (как и всех дальневосточных) письменных материалов, поступивших в АМ, был занят известный кавказовед акад. М.-Ф. Броссе.

В конце XIX — начале XX в. японские рукописи, ксилографы и печатные издания в АМ стали обрабатывать китаеведы.

Первый специалист-японовед в штат АМ был зачислен в 1917 г. Им оказался воспитанник Берлинского (1907—1908) и Токийского (1908—1912 гг. — студент и 1912—1914 гг., — аспирант) университетов, приват-доцент Петроградского университета С. Г. Елисеев. Специально занимаясь историей японской литературы, Елисеев широко интересовался всеми сторонами жизни древней и современной Японии. Основной его темой было творчество знаменитого поэта Мацуо Басё (1644—1694). Помимо этого Елисеев написал общий очерк истории японской литературы, изданный в 1920 г. в серии «Всемирная литература»⁴, и вел работу над литературоведческими темами: «Стиль японских прозаических произведений», «Современная литература в Японии» (о японской литературе второй половины XIX в.), история японской поэзии с древнейших времен до X в., литература эпохи Камакура, история написания и истоки повести «Такэтори моногатари», антология «Кокинсю» и т. д. В архиве Елисеева⁵ хранятся его работы по искусству Японии, истории («Русско-японские отношения и желательность русско-японского союза», «История Японии с древнейших времен до 1917 г.») и политической жизни страны⁶. В 1920 г. в «Краткой памятке», изданной по случаю 100-летия АМ, был помещен обзор Японского рукописно-ксилографического фонда АМ, написанный С. Г. Елисеевым.

В 1918 г. в штат АМ был зачислен другой японовед — О. О. Розенберг (1893—1919). После окончания в 1910 г. Петербургского университета он был командирован в 1911 г. в Берлин для усовершенствования в японском языке, а весной 1912 г. — в Японию для дальнейшего изучения японского языка и буддийской философии. В 1913 г. Розенберг закончил буддологическое исследование «Буддийские системы и теория „дарм“. Введение в философию Васубанду».

³ АВПР, ф. Гл. арх. II-11, 1856—1864, оп. № 50, 51, д. № 6, лл. 61—62.

⁴ С. Г. Елисеев, Японская литература, — «Литература Востока», вып. II, Пг., МСМХХ, стр. 38—89 («Всемирная литература»).

⁵ АВ, ф. 16.

⁶ Весной 1917 г. Елисеев посетил Японию для сбора материалов по теме «Творчество Басё». Попутно с основной темой он детально знакомился с политической и экономической жизнью страны.

Четырехлетнее пребывание Розенберга в Японии пробудило в нем интерес не только к буддологии, но и к изучению иероглифики как системы. Его перу принадлежат первые в отечественном японоведении исследования дальневосточного буддизма⁷ и разработка графической системы расположения иероглифов⁸.

В 1919 г. О. О. Розенберг умер. Он оставил неоконченными третью часть «Введения в изучение буддизма по китайским и японским источникам» («Буддийская литература»), статьи «Об изучении японского буддизма», «О буддийской философии жизни» и огромное количество словарных и лексикографических материалов⁹. Труды Розенберга вошли в золотой фонд русского японоведения и многие годы еще будут оставаться непревзойденными по научному уровню и широте охвата материала.

В течение последующих нескольких лет в АМ никто не занимался японоведческими проблемами. Формированием японоведческой библиотеки АМ занимался в то время видный китаевед В. М. Алексеев.

В конце 20-х годов техническую обработку Японского фонда (вначале книжного, а затем и рукописного) вел китаист Ю. К. Щуцкий (позднее ему стали помогать К. К. Флуг и А. А. Драгунов), который после поездки в Японию в 1928 г. стал также и японоведом¹⁰.

После реорганизации АМ в ИВАН СССР в 1930 г. одной из основных ячеек института стал Японо-корейский кабинет, в который дирекция ИВ в том же году пригласила для работы первых специалистов.

4 ноября 1930 г. Управление делами АН постановило «утвердить Н. А. Невского и Н. И. Конрада в должности научных сотрудников 1-го разряда с 1 ноября 30 года»¹¹. С этого времени началось развитие советского академиче-

⁷ «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам», ч. I и II, Токно, Пг., 1916, 1918; «Проблемы буддийской философии», Пг., 1918; «О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке (лекции)», Пг., 1918.

⁸ «Arrangement of the Chinese characters According to an Alphabetical Method with a Japanese Dictionary and List of Characters», Пг., 1916; «Опыт кодификации иероглифического элемента японского языка», Пг., 1918.

⁹ См. АВ, ф. 47.

¹⁰ В 1930 г. Щуцкому было поручено руководить японоведом-аспирантом, в том же году он был занят подготовкой предметного каталога Японского рукописно-ксилографического фонда, а в 1931 г. планировал заняться исследованием на тему «Китайский отдел японского сборника рассказов „Кондзяку моногатари сю“ эпохи военного феодализма и его китайские источники». К сожалению, мы не имеем данных о выполнении всех этих заданий. Японоведческая деятельность Щуцкого осуществлялась также в преподавании японского языка студентам ЛВИ и ЛГУ и в работе над статьей «О настроениях японской буддийской лирики» в 1937 г.

¹¹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1930), № 1, л. 14.

ского японоведения. Оба японоведа к моменту зачисления их в ИВ были признанными специалистами и отличались широким диапазоном научных интересов.

Н. А. Невский (1893—1945) начал работу с изучения этнографии Японии и синтоизма и скоро перешел к исследованию других малоизученных и трудных областей науки — языка, фольклора и этнографии айнов, рюкюских (Мияко) диалектов японского языка, языка цоу (аборигенов о-ва Тайвань) и, наконец, тангутского языка и письменности.

Н. И. Конрад (1891—1970) в то время был профессором ЛИЖВЯ и автором целого ряда работ по японской литературе, театру, истории Японии и другим вопросам¹². Он был назначен заведующим Японо-корейским кабинетом.

Японоведческая работа в ИВ началась с доклада Н. И. Конрада на тему «Влияние западноевропейской литературы на японскую», прочитанного 30 декабря 1930 г. и вызвавшего оживленное обсуждение в этот день и на следующем заседании — 3 января 1931 г.¹³. В 1931 г. Конрад работал над переводом, комментированием и исследованием «Положения о рабах» кодекса «Тайхорё» (701 г.)¹⁴, над изучением деятельности Японии в Корее в области народного просвещения, над изучением иностранного влияния в новой литературе Японии и над проблемой латинизации японской письменности.

Две темы разрабатывал в 1931 г. Н. А. Невский. Первая была связана с историей русско-японских отношений и японской исторической диалектологией. Ход работы над этой темой был изложен им на заседании кабинета в сообщении «Японский язык первоучителей данного языка» (имелись в виду труды Содзы и Гондзы — первых японцев, начавших в XVIII в. преподавание в России японского языка)¹⁵. Вторая тема — перевод на русский язык произведений айнского фольклора, записанных самим ученым в Японии со слов сказителей¹⁶.

В том же году в кабинет была принята на должность научно-технического сотрудника Е. А. Фолькман, которой

¹² Перевод и исследование «Исэ моногатари», переводы отдельных глав из «Гэндзи моногатари», фундаментальный труд «Японская литература в образцах и очерках», «Театр народов Востока», «Японский театр», «Восточный театр», «Япония. Народ и государство. Исторический очерк» и т. д.

¹³ Стенограмму обсуждения см. ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 11. лл. 92—111.

¹⁴ Н. И. Конрад, Надельная система в Японии, — ТИВАН, XVII, 1936, стр. 5—55.

¹⁵ Фрагменты этой работы хранятся в АВ, ф. 69, оп. 2, № 68, 77.

¹⁶ В плановом порядке эта тема выполнялась им до конца 1933 г. Результаты частично опубликованы в сборнике «Восток, сб. 1, Литература Китая и Японии» (Л., 1935, стр. 403—438), частично (в незавершенном виде) хранятся в АВ, ф. 69, оп. 2, № 90, 91.

поручено было описание японского рукописно-ксилографического фонда.

В 1931 г. в деятельности Японо-корейского кабинета стали принимать участие молодые специалисты — закончивший аспирантуру историк Е. М. Жуков (ныне академик), занимавшийся вопросами японского парламентаризма и истории японской социал-демократии (в ИВ был зачислен 31 октября 1932 г.); вернувшийся из годичной командировки в Японию аспирант-историк Д. П. Жуков (аспирантуру закончил в 1932 г., в ИВ принят в 1935 г.); аспирант (1930—1935) Д. М. Скляр, серьезно занимавшийся вопросами экономической политики японского империализма в Маньчжурии; аспирантка В. Д. Позднеева (специализировалась по историко-экономическим проблемам токугавской Японии), и японоведы других учреждений (ЛИЖВЯ, ЛГУ и др.).

Такое объединение японоведческих сил позволило в 1932 г. развернуть работу сразу в нескольких направлениях — социально-политической и экономической истории, идеологии, языка (лексикология и лексикография) и литературы. По общепринятой теме «Влияние Октября на Восток» Д. П. Жуков и Н. И. Конрад взяли обязательство выполнить работу «Октябрь и идеологический кризис в Японии», Е. М. Жуков — «Влияние Октябрьской революции на процесс образования массовых реформистских партий в Японии», Н. А. Невский — «Документы японских „пролетарских партий“ и влияние советского политического языка на политический язык современной Японии»¹⁷. Кабинет наметил разработку и нескольких коллективных тем: «История рабочего вопроса в законодательстве о труде в Японии», «История японского профессионального движения в XX в.»¹⁸, большой коллективный доклад «Социальная сущность революции Мэйдзи» (с разделами: предпосылки революции Мэйдзи, ход революционных событий, деятельность нового правительства после переворота и результаты переворота в смысле изменения социального облика Японии) — и кардинальных проблем, имеющих важное методологическое значение: «Япония на переходе от феодализма к капитализму» (В. Д. Позднеева), «Япония на переходе к империализму» (Е. М. Жуков) и «Вопросы периодизации истории Японии» (Д. П. Жуков и Н. И. Конрад)¹⁹.

В 1931 г. началась работа по составлению японо-русского словаря²⁰, в которой через год уже принимали участие

¹⁷ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 7. В переработанном виде статья Невского была издана под названием «От Московии к СССР», — ЗИВАН, т. V, 1936, стр. 43—53.

¹⁸ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1931), № 34.

¹⁹ Там же, № 34.

²⁰ Там же, № 8, л. 32.

шесть японистов (руководители Н. И. Конрад и Н. А. Невский). Невский начал подготовку к изданию материалов по говорам Миякодзима (архипелаг Рюкю), собранных им во время пребывания в Японии²¹.

Конрад кроме упомянутых тем в это же время работал над исследованием японской пролетарской литературы²², писал «Очерки литературы Китая и Японии» (совместно с Б. А. Васильевым; работа частично опубликована в ЛИФЛИ стеклографическим способом) и «Очерки истории пролетарского культурного и научного движения в Японии» (работа завершена в 1933 г.)²³. 10 сентября 1932 г. на заседании Сектора литературоведения он прочел доклад на тему «Японская пролетарская литературная группа НАПФ»²⁴.

Таким образом, первые же месяцы работы кабинета показали, что японоведы ИВ имеют достаточно научную-методологическую базу для решения большого круга вопросов. Наметилась тенденция к первоочередному исследованию ключевых проблем, касающихся смены социально-экономических формаций, классовой борьбы в области политики, экономики, литературы и идеологии; составлению словарей и справочников, недостаток которых все сильнее ощущался советскими японоведами.

Для повышения научного уровня исследований, квалифицированного обсуждения их результатов, дальнейшей активизации научной работы, координации усилий ученых и для определения дальнейших направлений развития советского японоведения возникла потребность в организационном объединении японоведческих кадров, представленных в разных научных и учебных центрах страны (практически — Ленинграда). 10 января 1933 г. в Президиум АН СССР был отправлен на утверждение проект Устава Ассоциации японоведения при ИВ²⁵. Устав был утвержден, и ассоциацию возглавил проф. Н. И. Конрад.

Ассоциация японоведения существовала всего несколько лет, но за это время оказалась способной сплотить японоведов, направить их работу в нужное русло, ликвидировать ведомственные границы, мешавшие эффективной научной и практической работе.

²¹ Невский планировал издание целой серии работ по Миякодзима. Так, в 1933 г. он завершил исследование «Фонетика говоров Мияко», на заседании кабинета 29 июня 1933 г. сделал доклад «Консонантная система островов Мияко», далее — до начала 1936 г. — наряду с языковыми проблемами он занимался изучением фольклора Мияко (см. также оп. 1 (1933), № 36; оп. 1 (1935), № 39), однако не завершил работу, так как был переведен на разборку и исследование Тангутского фонда.

²² Там же, оп. 1 (1932), № 9, л. 44.

²³ Там же, оп. 1 (1933), № 36, л. 14.

²⁴ Текст доклада см. там же, оп. 1 (1932), № 14, лл. 56—164.

²⁵ Там же, оп. 1 (1933), № 37, текст устава.

Возник план составления словаря политических деятелей Японии (Н. И. Конрад, Е. М. Жуков), библиографии работ по японской рыбопромышленности (Е. А. Фолькман)²⁶, ведется работа над военным японо-русским словарем (Д. П. Жуков и Б. И. Манзгур, словарь был издан в Москве в 1935 г.).

Исследовательская работа членов кабинета развивалась в двух направлениях: с одной стороны — изучение новейшей истории, политики, идеологии, языка и литературы, с другой — постепенное введение в научный оборот новых переводов литературных памятников феодальной Японии, изучение этнографии, древних верований и т. д.

К числу тем первого направления относятся работы Е. М. Жукова «Первый этап развития социалистического движения в Японии и марксизм» и «История Японии в период промышленного капитализма и империализма (до 1929 г.)», Д. М. Склярова «Роль колоний в системе японского империализма», Е. А. Фолькман «Японская рыбопромышленность в советских конвенционных водах» и «Японские рыбопромышленные союзы», доклады Н. И. Конрада, Е. М. Жукова, Н. А. Невского и аспирантов Я. Б. Радуль-Затуловского и В. В. Ненарокова на заседаниях Ассоциации японоведов.

К темам второго направления относятся: намеченный для перевода на русский язык при участии всего коллектива кабинета исторический труд Рай Санъё (1769—1832) «Нихон гайси»²⁷, работы А. Е. Глускиной (зачислена в ИВ в 1933 г.) по переводу и исследованию поэтических антологий «Манъёсю» и «Хякунин иссю», переводы и исследования Н. А. Невским древних молитвословий норито и историко-мифологического памятника «Кодзики»²⁸, работы Конрада «Развитие японского обрядового театра», Невского «Шаманство в японской деревне», Глускиной «Производственные культы в японской деревне» и др.

Не все намеченные к выполнению темы были завершены, не все завершенные были напечатаны, однако в совокупности они говорят о дальнейшем развитии характерной и для прежнего (в том числе дореволюционного) русского японоведения тенденции параллельного исследования проблем се-

²⁶ Там же, оп. 1 (1933), № 36.

²⁷ Там же, оп. 1 (1934), № 44. Работа объемом 50 авт. л. планировалась на 1934—1936 гг.

²⁸ В 1934 г. Невский завершил перевод первой части «Кодзики» и продолжал работать над переводом и исследованием памятника, планируя в 1936 г. завершить всю работу в объеме 10—15 авт. л. (там же, оп. 1 (1935), № 39), однако переход исполнителя почти полностью на тангүведческую тематику помешал ему выполнить этот план. Переводы трех молитвословий норито опубликованы: «Культовая поэзия древней Японии (VI—VIII вв.)», — сб. «Восток. Литература Китая и Японии», Л., 1935, стр. 17—30

годняшней жизни страны и ее классического наследия — тенденции, продлжающей сохраняться до нынешних дней.

В 1935 и особенно в 1936 г. потребность в разработке японоведческих проблем в связи с международной ролью Японии, советско-японскими отношениями и внутренней политикой Японии, а также и в связи с поставленным ходом исследования историко-культурных вопросов задачами в области изучения памятников литературы, идеологических явлений и социально-экономического развития страны в предшествующие эпохи настолько возросли, что наряду с расширением численного состава кабинета для выполнения институтских тем стали привлекаться японоведы других учреждений Ленинграда и Москвы. Так, над выполнением плана кабинета в 1936 г. работало около 20 человек — штатных или на договорных началах ²⁹.

В план были включены работы Д. П. Жукова «Возникновение японского абсолютизма», Д. И. Гольдберга «История рабочего движения в Японии», М. И. Кукса «Послевоенный промышленный цикл в Японии», Е. М. Жукова «История внешней политики Японии (1867—1914)», Н. И. Фельдман «История японской пролетарской литературы», Н. И. Конрада «Синтаксис современного японского литературного языка», А. А. Холодовича «Грамматика современного японского письменного языка», А. Л. Клетного «Словарь служебных слов в японском языке», З. Н. Матвеева «Библиография Японии на русском языке (1728—1935)» и др. Большинство плановых тем было включено в список работ, выполняемых коллективом ИВ к 20-летию Октября ³⁰.

В 1935 г. в ИВ впервые стали изучаться проблемы японской философии (Я. Б. Радуль-Затуловский) ³¹.

Ведущие сотрудники кабинета продолжали работать над темами, относящимися к разным областям науки. Н. И. Конрад наряду с лингвистической (синтаксис, лексика, грамматика) продолжал разрабатывать исторические и литературоведческие проблемы. 20 марта 1935 г. на сессии АН СССР он выступил с докладом «Надельная система в Японии», 14 октября на заседании кабинета — с докладом «Современная японская историческая наука» ³², в том же году работал над темой «Генезис японского феодализма», готовил для ЛИФЛИ «Курс лекций по истории японской литературы эпохи Мэйдзи», опубликовал ряд статей и перево-

²⁹ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1936), № 44.

³⁰ Там же, № 11, л. 11.

³¹ Там же, оп. 1 (1935), № 39; оп. 1 (1936), № 44; оп. 1 (1937), № 51. Первоначально предполагалось последовательно поставить решение проблем истории конфуцианства, синто, буддизма и материалистических идей в Японии, но вторая и следующие не были осуществлены.

³² Там же, оп. 1 (1935), № 39, лл. 63—66.

дов в сборнике «Восток» («Литература Китая и Японии»), в 1936 г. писал «Очерки по истории феодальной литературы» и т. д.

Н. А. Невский помимо занятий тангутикой вне плана продолжал и японоведческую работу. 4 февраля 1935 г. кабинет слушал его доклад «Двойная роль отрицательных суффиксов в японском языке», 8 декабря — «Фольклор Мияко»³³, 6 марта и 20 апреля 1937 г. Невский читал на заседании кабинета текст и перевод одного из труднейших по языку произведений японской литературы — «Токайдотю хидзакуригэ» Дзиппэнся Икку (1765—1831); в это же время он работал над темой «Древнейшая мифология Японии», писал совместно с Е. М. Колпакчи учебник японского языка, а с А. А. Холодовичем — краткий курс фонетики японского языка. И все это время вместе с Н. И. Конрадом продолжал работу по составлению и редактированию Большого японо-русского словаря, преподавал в ЛГУ японский язык.

В отчете о работе кабинета за 1937 г. Н. И. Конрад писал: «В предшествующие годы советское японоведение успело дать общие очерки истории Японии и этим создало возможность как первоначальной ориентировки в вопросах японской истории, так и преподавания истории Японии в востоковедных вузах». И далее, намечая перспективы развития японоведения на ближайшие годы, он следующим образом сформулировал задачи японоведов-историков: «Выявилась необходимость перехода к углубленному исследованию отдельных проблем, более подробного изучения отдельных эпох и исторических явлений, с тем чтобы в будущем эти монографические исследования могли послужить надежным базисом для полного научного изложения японской истории в целом». Перед филологами была поставлена задача «изучить области языка и литературы, которые могут раскрыть некоторые стороны современной японской действительности» и «служить практическим пособием для советского японоведа».

Здесь же отмечалась работа сотрудников кабинета в области изучения японской философии (Я. Б. Радуль-Затуловский) и этнографии (А. Е. Глукина). На 1938—1942 гг. кабинетом был намечен перевод 17 памятников средневековой японской литературы.

Главными достижениями японоведения за этот период (помимо отмеченных в приведенном выше фрагменте отчета) были: разработка вопроса периодизации японской истории на основе анализа содержания переходных эпох в социально-экономическом развитии страны; введение в научный обиход новых переводов и исследование отдельных памятников

³³ Там же, лл. 49, 82.

японской литературы, планомерное исследование литературы конца XIX — начала XX в. (особенно пролетарской литературы Японии); исследование лингвистических проблем, итогом которого явилась публикация фундаментальных концептуалистических трудов по синтаксису японского языка Н. И. Конрада и А. А. Холодовича ³⁴.

В 1939—1940 гг. основной коллективной темой сотрудников кабинета оставалось составление Большого японо-русского словаря. Редакторская работа была поручена А. А. Холодовичу, Я. Б. Радуль-Затуловскому и Д. И. Гольдбергу. Они же продолжали заниматься и своими основными темами по языку, идеологии и новой истории Японии ³⁵. Зачисленная в ИВ в 1939 г. Н. Г. Иваненко стала работать над изучением творчества писателя-новеллиста XVII в. Ихара Сайкаку ³⁶.

В аспирантуру ИВ были приняты три японоведа — Е. Г. Дагин, М. П. Привалов и Е. М. Пинус; с 1939 г. стал работать японист Г. О. Монзелер, правда, по плану не Японского, а Китайского кабинета.

В 1941 г. с началом войны основные плановые темы кабинета отошли на второй план. Сотрудники были привлечены к выполнению специальных заданий — составлению словарей, русско-японского разговорника и справочника японской иероглифической письменности (под руководством А. А. Холодовича). С июля по сентябрь 1941 г. члены кабинета работали исключительно на сооружении полосы обороны вокруг Ленинграда ³⁷.

Д. И. Гольдберг, разрабатывавший в это время тему «История Японии в 1871—1918 гг.», был призван в армию ³⁸. В 1942 г. в армию была мобилизована и Н. Г. Иваненко.

Однако дальнейшее развитие научного японоведения в ИВ в годы войны не прекратилось. Наряду с практическими заданиями сотрудники продолжали работать и над теоретическими проблемами. На место ушедших специалистов приходили другие. В 1942 г. Я. Б. Радуль-Затуловский защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории развития материалистической мысли в Японии». В марте—апреле в ИВ зачислили проф. Е. М. Колпакчи (1902—1952), работавшую тогда над докторской диссертацией «Древнеяпонский язык по памятникам эпохи Нара», и О. П. Петрову (Соловьеву),

³⁴ Н. И. Конрад, Синтаксис японского национального литературного языка, М., 1937; А. А. Холодович, Синтаксис японского военного языка. Язык военной документации, М., 1937.

³⁵ ЛО ААН, ф. 152, оп. I (1940), № 8, л. 11.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, оп. I (1941), № 35.

³⁸ Там же.

занимавшуюся изучением японской военно-морской лексики³⁹.

После первой блокадной зимы основная часть сотрудников была эвакуирована. В Ташкент выехали Е. М. Колпакчи, Я. Б. Радуль-Затуловский, А. Е. Глускина и Р. Г. Карлина. Н. И. Конрад работал в Москве (в 1943 г. он возглавил Московскую группу ИВ). А. А. Холодович эвакуировался с университетом, где он вел преподавательскую работу, в Саратов. В Ленинграде в числе немногих оставшихся сотрудников ИВ продолжал работать единственный японовед — О. П. Петрова.

В 1942 г. в Ташкенте в составе ИВ был образован Дальневосточный кабинет, в который вошли и японисты, один из которых — Я. Б. Радуль-Затуловский — с 21 декабря 1942 г. по 15 августа 1943 г. исполнял обязанности заведующего кабинетом. 15 августа 1943 г. Дальневосточный кабинет был разделен на Китайско-монгольский и Японо-корейский. Во главе Японо-корейского вновь встал член-корр. АН СССР Н. И. Конрад.

Организационная разобщенность кабинета, его малочисленность, трудности военного времени затрудняли научные исследования, намеченные в мирное время. Но линия эта продолжала развиваться. В 1943 г. А. С. Глускина защитила диссертацию: «Кагура — театральный фольклор японских деревень», Е. М. Колпакчи писала статью «Окура — японский поэт V века»⁴⁰ и продолжала работу над изучением древнеяпонского языка. О. П. Петрова в блокадном Ленинграде участвовала в спасении от бомбежек и артобстрелов рукописных коллекций ИВ, его библиотеки и личных библиотек и архивов востоковедов, активно читала лекции в воинских частях и не прекращала работы над изучением японской военно-морской лексики и составлением японо-русского и русско-японского военно-морского словаря. В 1944 г. она подготовила к печати статью о транскрипции иностранных слов⁴¹.

Я. Б. Радуль-Затуловский занимался в Ташкенте творчеством Накаэ Тёмина (1847—1901) и продолжал работу над темой «Идеология японского империализма»⁴².

Со снятием блокады Ленинграда началась постепенная эвакуация сотрудников, завершившаяся после войны возвращением ИВ в Ленинград.

³⁹ Там же, оп. 1(1942), № 2.

⁴⁰ Доклад на эту тему был прочитан ею в мае 1944 г. на объединенном заседании Японского и Китайского кабинетов (там же, оп. 1(1944), № 27).

⁴¹ Там же. Статья была опубликована позднее: О. П. Петрова, О японской транскрипции иностранных слов, — «Японский лингвистический сборник», М., 1959, стр. 199—219.

⁴² ЛО ААН, ф. 152, оп. 1(1944), № 27.

Н. И. Конрад, все это время работавший в Москве, продолжал редактирование Большого японо-русского словаря, а в 1945 г. начал разработку темы «Влияние русской литературы на новую японскую». Кроме того, он работал над переводом и исследованием китайских трактатов «Сунь-цзы» и «У-цзы»⁴³.

Закончился военный период, когда исследования проводились в очень ограниченных масштабах — и только в области языка, литературы и идеологии. Работы по истории Японии во время войны из-за отсутствия специалистов в ИВ не велись⁴⁴.

В послевоенное время кабинет (как и весь ИВ) оказался разделенным на две части. В Ленинграде продолжали работу О. П. Петрова, Е. М. Колпакчи (ученый секретарь кабинета), Я. Б. Радуль-Затуловский, Р. Г. Карлина и вернувшийся из армии Д. И. Гольдберг. Заведующий кабинетом Н. И. Конрад, А. Е. Глушкина и другие специалисты, зачисленные в ИВ позднее, вошли в состав МГ ИВ. Научная жизнь активизировалась. Ширились исследования в области литературы, языка, истории и идеологии Японии.

Оживление научной работы в первые послевоенные годы скорее всего отразилось на научно-организационной жизни кабинета. На заседаниях сотрудники выступали с докладами по итогам научной работы. В 1945—1946 гг. были обсуждены доклады Е. М. Колпакчи «Критика логического направления в новейшей японской лингвистике» и «Зависимый и независимый пасиенс в японском языке»; О. П. Петровой «О японской дискуссии 1943 г., по вопросам транскрипции иностранных слов», «Генезис суффикса „Мару“ в названиях японских судов»; Н. И. Конрада «Понятие литературы в Китае и Японии»; А. Е. Глушкиной «Постоянный эпитет к японской антологии VIII в. Манъёсю»; Р. Г. Карлиной «Принципы художественного перевода у Хасэгава Фтабатэй», Я. Б. Радуль-Затуловского «Философские взгляды Муро Кюсо» и «Учение о сингаку»⁴⁵.

В 1946 г. Е. М. Колпакчи защитила докторскую диссертацию и приступила к разработке темы «Грамматика современного японского языка». О. П. Петрова закончила и в 1947 г. защитила кандидатскую диссертацию «Японская военно-морская терминология (историко-лексикологические очерки)».

В области литературоведения наиболее значительной ге-

⁴³ Там же, оп. 1-М(1945), № 17; там же, (1943), № 2 (1944), № 8 (1946), № 32.

⁴⁴ Специалисты, временно выбывшие из ИВ, продолжали научную работу в своих областях. Так, в 1941—1946 гг. Д. И. Гольдберг опубликовал 8 работ (в основном военной тематики), но в план ИВ эти работы, естественно, не включались.

⁴⁵ ЛО ААН, ф. 152; там же, оп. 1 (1945), № 29; оп. 1-М (1946), № 32.

мой кабинета была начата в 1946 г. Н. И. Конрадом «Общая история японской литературы»⁴⁶. В 1947 г. он завершает работу «Современная японская литература» (со второй половины XIX в.) и выступает на заседании кабинета с докладом «К характеристике процесса образования и развития новой японской литературы». А. Е. Глускина продолжает работу над переводом и исследованием антологии «Манъёсю» (в 1947 г. она сделала доклад на тему «К генезису некоторых тропов антологии VIII в. „Манъёсю“») и представляет кабинету для обсуждения перевод и исследование антологии «Хякунин исю». В 1946 г. Е. М. Пинус защитила кандидатскую диссертацию на тему «Пейзажная лирика Токүтоми». С конца 1946 г. над темой «Японские фарсы эпохи Муромати (XV век)» начала работать аспирантка В. В. Логунова.

Д. И. Годьдбергу была утверждена в 1948 г. плановая тема «Япония во второй мировой войне». В 1949 г. он сделал сотрудникам кабинета доклад по результатам работы над этой темой — «Подготовка японского империализма ко второй мировой войне и 1-й этап японо-китайской войны (конец 1929 — сентябрь 1939 г.)»⁴⁷.

Изучение религиозных и философских учений Японии по-прежнему продолжает один Я. Б. Радуль-Затуловский. В 1947 г. из печати выходит его книга «Конфуцианство и его распространение в Японии», в том же году он заканчивает работу «Японский буддизм (буддийские учения в Японии V—XIX вв.)»⁴⁸. Одновременно с общими темами он включает в план работы исследование учений отдельных философов: в 1946 г. — Ито Тогай, в 1948 г. — Андо Сёэки и Камада Рюкю⁴⁹.

В результате реорганизаций ИВ в 1950 г. в числе структурных частей был образован Сектор Японии во главе с членом-корр. АН СССР Е. М. Жуковым, а в Ленинграде — Сектор (музей) восточных рукописей. О. П. Петрова, работавшая над темой «Лексика древнейших памятников японской письменности Кодзики и Манъёсю», была переведена в Сектор Монголии и Кореи с заданием описать хранящиеся в Рукописном фонде Сектора восточных рукописей письменные памятники корейской культуры. Е. М. Колпакчи, продуктивно работавшая над проблемами границы слова, структуры словосочетаний синтаксиса японского языка и периодизации истории японского литературного языка⁵⁰, и В. В. Ло-

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, оп. 1 (1949), № 45.

⁴⁸ Там же, оп. 1 (1947), № 10.

⁴⁹ Там же, оп. 1 (1948), № 6, 35. Книга об Андо Сёэки вышла из печати позднее: Я. Б. Радуль-Затуловский, Андо Сёэки — философ-материалист XVIII в., М., 1961.

⁵⁰ ЛО ААН, ф. 152, оп. 1 (1948), № 6, 35; оп. 1 (1949), № 45.

гунова (с октября 1950 г.), занимавшаяся исследованием средневековых японских фарсов кёгэнов, в течение двух лет оставались в Ленинграде единственными сотрудниками ИВ, работавшими по японоведческой проблематике⁵¹.

Е. М. Колпакчи планировала в 1951 г. завершить «Очерки по истории японского синтаксиса» и приступить к монографии «История японского языка», окончить которую предполагала в 1953 г. Но продолжительная болезнь помешала ей осуществить этот план.

В 1952 г. Е. М. Колпакчи умерла. Остались неопубликованными написанные ею многочисленные статьи, остались неосуществленными большие планы исследований в области японского языка⁵². Книга Е. М. Колпакчи «Очерки по истории японского языка, т. I. Морфология глагола» была опубликована после смерти автора в 1956 г.; она явилась первой печатной работой такого рода, написанной за пределами Японии.

В течение четырех лет — с 1952 по 1956 г. — японоведческие исследования в Секторе восточных рукописей не проводились из-за отсутствия специалистов.

Для обработки незарегистрированных книжных фондов на японском языке в 1955 г. в библиотеку сектора был зачислен выпускник ЛГУ (1954) А. Г. Фокин (1930—1961).

В следующем году в связи с образованием на базе Сектора восточных рукописей ЛО ИВ в его составе был организован Дальневосточный кабинет, где стала работать группа японоведов, руководимая О. П. Петровой.

В конце 1956 г. в ЛО ИВ был зачислен выпускник ЛГУ (1956) В. Н. Горегляд. Первым заданием, которое он получил, было объединение и сплошная инвентаризация разрозненных японских рукописно-ксилографических коллекций. С 1958 г. Петрова и Горегляд начали планомерное тематическое научное описание рукописно-ксилографического собрания, продолжавшееся 10 лет⁵³. Параллельно с работой над описанием началось и изучение некоторых памятников собрания. В 1957 г. Горегляд приступил к исследованию японской рукописи начала XIX в. «Канкай ибун». Петрова возвращается к лингвистическим исследованиям и в 1957 г. завершает статью «Советское языкознание в области японского языка за 40 лет», а в 1958 г. приступает к изучению хранящегося

⁵¹ Обработку Японского книжного фонда в Ленинграде осуществляла О. П. Петрова, и первое время ей помогала В. В. Логунова. В 1953 г. обработкой временно занималась Р. Г. Карлина.

⁵² См. личный фонд Е. М. Колпакчи, АВ, ф. 99.

⁵³ Все описание было разбито на 6 выпусков, часть которых уже опубликована. Выпуски 1, 3 и 4 составили Петрова и Горегляд, в составлении вып. 2 приняла участие Г. Д. Иванова, вып. 5 составил Горегляд, вып. 6 — Горегляд и З. Я. Ханин.

в АВ русско-японского лексикона Андрея Татарина (составлен в 1782 г.), очень интересного с точки зрения японской исторической диалектологии.

В 1958 г. в штат отделения была зачислена японовед-историк (окончила ЛГУ в 1938 г.) О. С. Николаева, работавшая вначале над темой «Япония в годы первой мировой войны (1914—1918)», а затем (с 1959 г.) — над переводом и исследованием документов токугавских пятидворок (гонингуми).

В том же году в аспирантуру отделения была принята выпускница ЛГУ (1958) Г. И. Шпейер (Виноградова), избравшая темой диссертационной работы анализ произведения Мотоори Норинага «Тамакацума». По истечении срока Г. И. Виноградова была отчислена из аспирантуры и перешла на практическую работу.

В 1959 г. в число сотрудников ЛО ИВ была принята Г. Д. Иванова (окончила в 1949 г. ЛГУ, а в 1953 г. — аспирантуру ИВ). Сначала она занималась описанием рукописно-ксилографического собрания, а с 1960 г. приступила к работе над темой «Очерки предпролетарской литературы Японии начала XX в.». По этой теме написала несколько статей⁵⁴ и сделала ряд докладов, а в 1967 г. закончила книгу. Одновременно публиковала переводы на русский язык произведений современных японских писателей.

В 1960—1961 гг. обработкой японских книг в библиотеке вместе с А. Г. Фокиным занимался В. Д. Улановский (окончил ЛГУ в 1960 г.), перешедший затем на практическую работу.

В 1960 г. этой же работой стала заниматься Л. Л. Громковская (окончила ЛГУ в 1955 г.), которая впоследствии (1966) переключилась на научную работу, исследуя жанр ватакуси-сёсэцу в творчестве Накано Сигэхару. Кроме этого Громковская публикует переводы произведений (большей частью поэтических) современной японской литературы.

В 1960 г. в отделение был зачислен японовед-историк З. Я. Ханин (окончил ЛГУ в 1951 г., аспирантуру ЛГУ — в 1960 г.). Сначала он работал в группе по описанию и изучению китайских рукописей Дуньхуана, а затем (с 1965 г.) приступил к изучению проблемы «Истории дискриминации в Японии», включив в план тему «Очерки по истории буракумин». Некоторое время Ханин занимался также описанием рукописно-ксилографического собрания.

В 1965 г. в Кабинет древнего Востока был принят специалист по древней истории Японии М. В. Воробьев (окончил ЛГУ в 1950 г.). Он стал работать над темой «Генезис японской государственности и культуры».

⁵⁴ Публицистический роман Киносита Наоэ «Огненный столп», «Дело Котоку в японской литературе» и др.

О. П. Петрова наряду с описанием японских рукописей, ксилографов и старопечатных книг (начатым ею и под ее руководством) продолжает занятия японской лексикологией и публикацией русских лексикографических материалов XVIII — начала XIX в., отражающих особенности японских диалектов того времени. В числе этих материалов — «Лексикон» А. Татаринова, с докладом о котором она выступила на XXV МКВ в 1960 г. (сам словарь с предисловием подготовителя опубликован в 1962 г.); «Словарь» японского языка Николая Резанова⁵⁵, доклад о котором был подготовлен Петровой для XXVI МКВ в 1963 г. (работа по подготовке словаря к изданию завершена в 1967 г.). С 1967 г. Петрова приступила к диалектологическому изучению переведенного в Петербурге в XVIII в. на японский язык «*Orbis sensualium pictus*» Я. А. Коменского⁵⁶.

В. Н. Горегляд помимо работы над рукописно-ксилографическими материалами занимается изучением средневековой японской литературы и публикует ряд статей по этой тематике и некоторые переводы. В 1965 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Цурэдзурэгуса» Кэнко-хоси — выдающийся памятник японской эссеистической литературы» (исследование и комментированный перевод памятника).

В 1966 г. Дальневосточный кабинет был разделен — создан самостоятельный Японский кабинет (зав. В. Н. Горегляд). Кабинет объединил всех японоведов отделения (за исключением М. В. Воробьева), работающих в области истории, литературы и языка. Не представлены в кабинете лишь специалисты по религиям Японии и японскому искусству.

⁵⁵ АВ, Р. I, оп. 4, № 2, 3.

⁵⁶ Там же, № 11.